

ЮРИИ

КОВАЛЬ

Шамайка-
Королева кошек

«МАЛЫШ»

Юрий Коваль

Шамайка – королева кошек

«АСТ»

1990

Коваль Ю. И.

Шамайка – королева кошек / Ю. И. Коваль — «АСТ», 1990

В одном приморском городишке, на свалке, появилась на свет удивительной красоты кошка, и ждала ее необыкновенная судьба. Все было в ее кошачьей жизни – взлеты и падения, помойки на задворках и бархатные подушки в богатых домах. Были в ее жизни дружба и любовь, были предательства и враги. И звали великолепную кошку тоже по-разному: в бедных кварталах – Шамайкой, а в богатых – Королевской Аналостанкой. Читайте веселую и грустную историю про кошку удивительной судьбы!

© Коваль Ю. И., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

Красная книга Юрия Коваля	6
Глава 1. Рваное Ухо	9
Глава 2. Господин Ливер	14
Глава 3. Тайна имени	15
Глава 4. Рыжая дама	17
Глава 5. Японские обычаи	19
Глава 6. Холодная атмосфера	22
Глава 7. Брэдбери	24
Глава 8. Воробьи и тигры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Юрий Коваль

Шамайка – королева кошек

© Коваль Ю. И., насл., 2013

© Ил., Трубин Д. А., 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Красная книга Юрия Коваля (Совершенно личное письмо читателю)

Перед вами, уважаемый читатель, повесть Юрия Коваля «Шамайка», в которой он рассказывает о трущобной кошке. И хотя история эта уже описана знаменитым канадским писателем Сетоном-Томпсоном в рассказе «Королевская аналостанка», Юрий Коваль создал совершенно новое произведение. Это бывает не так уж редко.

Например, когда-то давным-давно английский писатель Ю. Лофтинг написал книжку «Доктор Дулитл» – о докторе, который лечил животных; а потом великий Корней Иванович Чуковский написал эту историю заново, и теперь «Доктор Айболит» существует сам по себе, хотя и имена похожи: там Барбара – тут Варвара, там обезьянка Ки-Ки – тут Чи-Чи, но дело вовсе не в сходстве, а гораздо серьёзней.

В пятидесятые годы в Московском ТЮЗе я со своими товарищами поставил спектакль по пьесе Вадима Коростылёва «О чём рассказали волшебники», и это была ещё одна, совершенно новая история доброго доктора. Чтобы сразу было всё ясно, автор пьесы написал для пролога такую песенку:

*В английской сказке я – Дулитл,
А в русской – Айболит.
Ведь вы не скажете – «болитл»,
А скажете – «болит»...*

И сразу становилось ясно, что история будет совершенно новой, отличной на этот раз от сказки К. И. Чуковского.

Я обратился к писателю Юрию Ковалю с просьбой написать историю знаменитой королевской аналостанки для кино, и он написал эту повесть. У него история трущобной кошки стала совсем иной, потому что и жизнь сегодня совсем иная и у животных, и у людей.

Вы заметили, что собаки перестали гонять кошек, как это бывало раньше? Во всяком случае, теперь это происходит не так темпераментно, как в годы моего детства. Сегодня собака кинется за кошкой для приличия, кошка изогнёт спину, пошипит, как оно полагается, почти формально, – и всё, инцидент исчерпан. Я слышал, что одна лиса не так давно устроила себе логово на территории курятника и не только не трогала кур, а, наоборот, не хуже любой сторожевой собаки охраняла «своих» кур и цыплят от любых врагов. Человек распространяется – животным жить становится нелегко.

Но главное, наверное, всё-таки в другом. Главное в том, что Юрий Коваль так же, как и канадец Сетон-Томпсон, пишет о животных, но делает это совершенно по-своему. И если для Сетона-Томпсона очень важен сам факт, то для Юрия Коваля факт – только начало, а дальше начинается самое главное. Там, где Коваль шутит, – он грустит; там, где грустит, – он любит; там, где любит, – он защищает. Он ни на кого не похож, он добр, прост и при этом удивителен. Он любит природу, животных и детей – это его мир, это то, что он защищает.

В его повестях и рассказах наша добрая и мудрая мать-природа охраняется, как в знаменитой Красной книге, но уже не столько законом, сколько любовью и искусством. И это, на мой взгляд, даже немножко лучше, потому что здесь природа и животный мир не только охраняются, но ещё и сохраняются для людей.

Навечно сохранены маленький рыцарь свободы недопёсок Наполеон Третий – герой повести Ю. Коваля «Недопёсок» и озорник медведь из рассказа «Лабаз», который хоть и, как говорится, «нечист на лапу», но это больше из озорства. И мыши, и птицы, и всякая дру-

гая живность, и картофельная собака – единственный экземпляр особой породы, выведенный самим писателем, которую можно было бы назвать «дворянка-хулиган, добрый». И деревья, и луга, и травы, и кленовый лист, который осенью «особенно молодец», и простое русское слово «яшень», даже сам лесной дух – воздух живёт в книгах Юрия Ковалья, как какой-нибудь дух лесной.

Можно сказать, что Юрий Коваль создал свою Красную книгу, которая сохраняет природу, животных и детей как самую главную ценность жизни. Он певец доброты, естества и фантазии. Я, конечно, упрощаю. Хороший писатель никогда не укладывается в какие-то определения, тем более Юрий Коваль.

Но я твёрдо знаю одно: таких писателей мало, они очень редки. Их самих надо записывать в Красную книгу, а то совсем переведутся и исчезнут. Пора, пора создать такую книгу не только для животных и растений, но и для настоящих художников слова, кисти, сцены, экрана...

*Уважающий вас и откровенно любящий
писателя Юрия Ковалья
Ролан Быков*

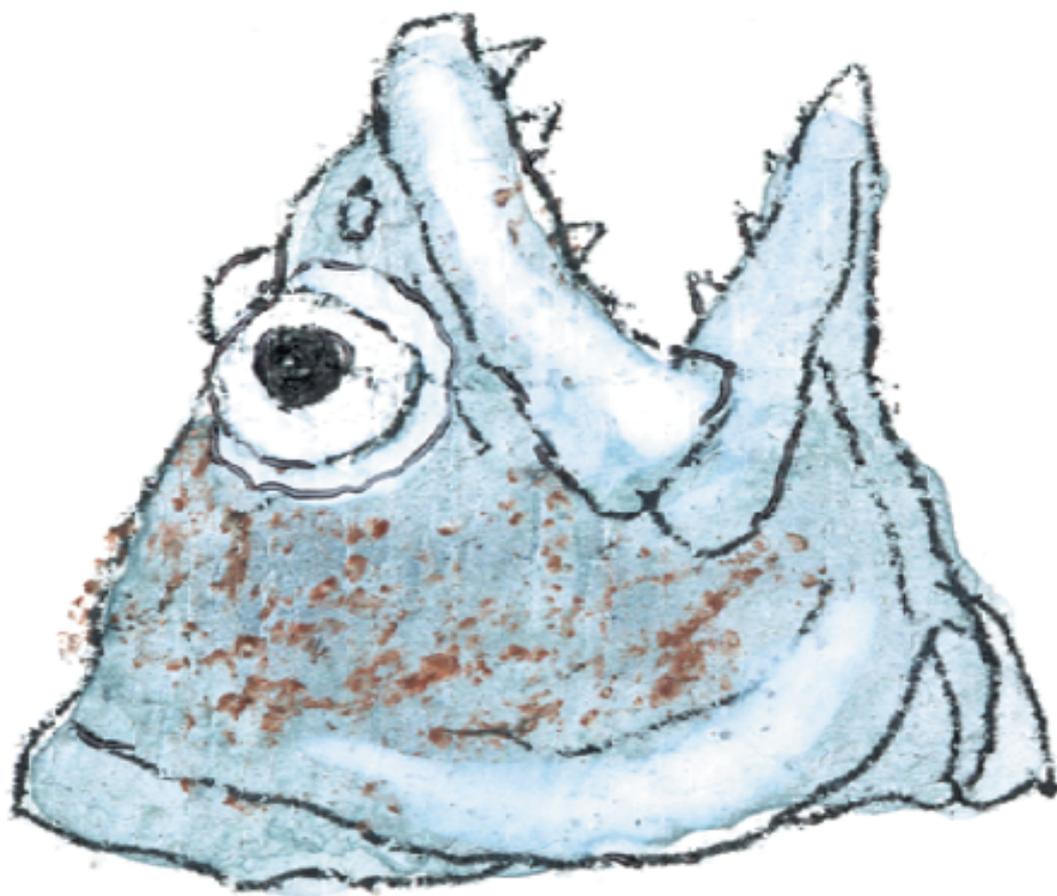
*Господину Эрнесту Сетону-Томпсону и маэстро Ролану Быкову,
живущим в разном времени и смысле, умудрился посвятить автор эту
повесть.*

Про меня почему-то думают, что я должен защищать щенков.

А ведь и вправду щенки всегда так доверчиво виляют хвостом, что их хочется защитить. В среде щенков не бывает нечестных и злых. Такие случаются только между взрослых собак.

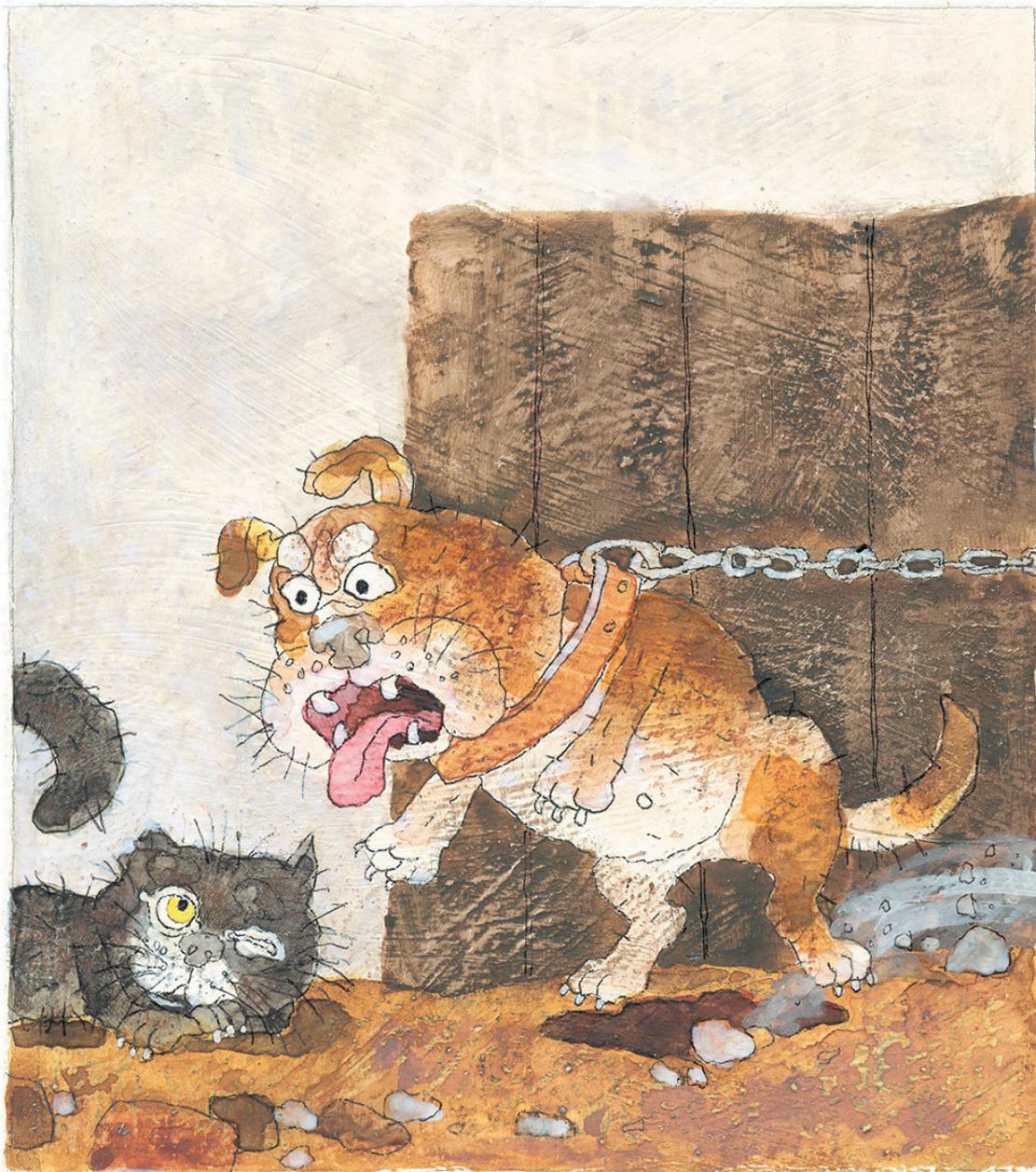
Иногда, конечно, из щенка защищённого вырастает надменное существо. Высокомерно поглядывает он на тебя из своей конуры, гремит цепью, показывает зубы. Но это уже, друзья, не наше дело. Мы его защитили, а он пусть соображает, как дальше жить.

Глава 1. Рваное Ухо

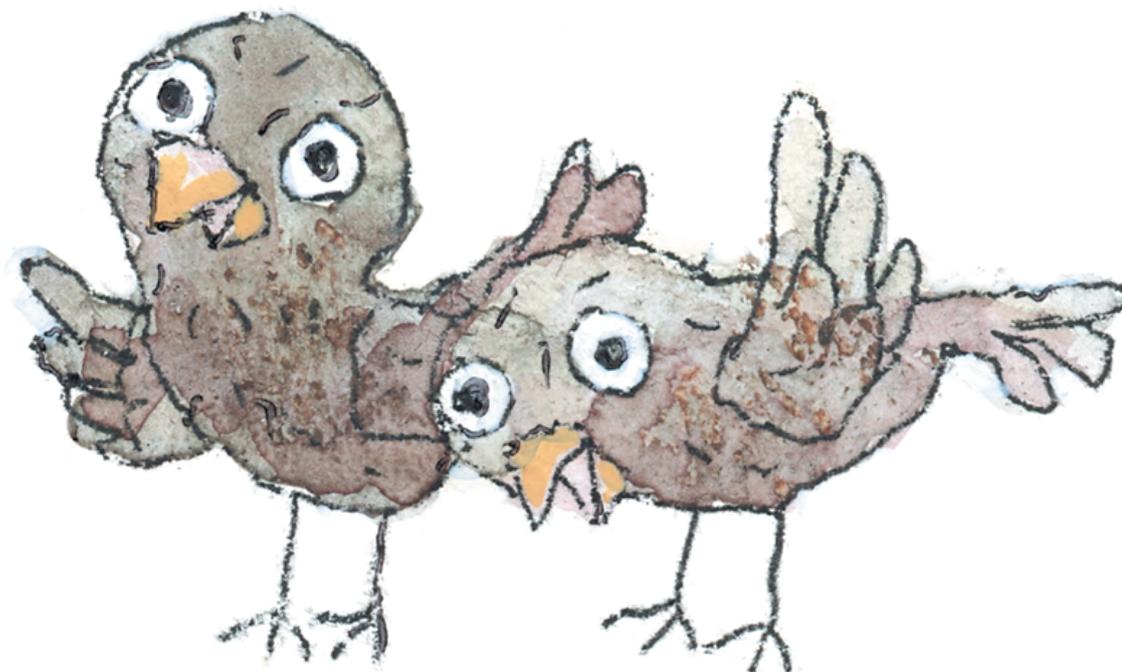
Свирепый и кривоzubый, какой-то разлапистый полубульдог рвался с цепи.

Он уже не то что лаял – это мягко сказано, – он выворачивался наизнанку, разевая свою рябую пасть. Цепь, натянутая до предела, перехватила полубульдожью шею. Стоя на задних лапах, передними он бестолково молотил воздух, напоминая полубоксёра – в человеческом смысле этого слова. В пяти сантиметрах от его носа лежал на земле огромный чёрный кот-пират по прозвищу Рваное Ухо.

Кот спал сладко и спокойно. Он давно рассчитал, точно вымерил длину и прочность цепи. Рёв и сип полубульдога его убаюкивали. Он спал, прекрасно понимая, что убивает сразу двух зайцев, хотя и думал больше о кроликах. Во-первых, он был под охраной полубульдога и никто на него не мог напасть. Во-вторых, своим спокойным сном он мстил старому врагу за былые

подлые поступки. Это большая редкость, чтоб кто-то кому-то мстил сном. Да, да, чтоб кто-то спал и этим сном кому-то мстил – такое на земном шаре встречается редко. В истории мщений такие случаи пока не отмечены.

Полубульдог совсем потерял голову и голос, и если уместно сравнивать собак с чайниками, то это был уже выкипевший чайник, чайник, который выклокотался – простите за это непристойное слово, – чайник, который начинал плавиться на углях. Он – чайник – должен был вот-вот скончаться, глаза его выкатились из орбит, он посинел. Тут и послышался далёкий голос:

– Мяю! Мяю!

Кот приоткрыл пиратский глаз, шевельнул рваным ухом, потянулся, просыпаясь.

– Мьяяя! – доносилось издали, но это «мяу» кричал человеческий голос и добавлял к этому «мяу» ещё один очень кошачий и вкусный звук: «со!» Получалось: «Мяу-со! Мяу-со! Мясо!»

Пират Рваное Ухо окончательно проснулся, выгнул спину, презрительно фыркнул в рожу полубульдогу, плюнул ему в правый глаз и побежал на крик:

– Мяусо! Мяусо!

Глава 2. Господин Ливер

– Мяясо! – орал человек, измазанный сажей, орал и катил по закоулку тележку, из которой валил неопрятный и пахучий пар.

Кошки сиамские и сибирские, тигровые и черепаховые, кошки трактирщиков и бакалейщиков сбегались на его голос, выныривая из дворов и подворотен. Они бежали за тачкой, и, как только их собиралось достаточно, тачка останавливалась. Грязноватый господин доставал из тачки вертел, унизанный кусочками варёной печёнки. Длинною двузубой вилкой он спихивал печёнку с вертела, и кошка, схватив кусок, с урчаньем бросалась прочь, чтоб насладиться варевом в одиночестве.

Наглый рыжий кот вспрыгнул на тачку, но тут же получил вилкою по ушам и слетел на землю.

– Тебя и хозяин накормит, – ворчал на рыжего ливерщик. – У него на скотобойне печёнки хватает.

Белая кошечка с розовым носиком потихоньку прорывалась к печёнке, но ливерщик саданул её сапогом.

– Хэлло! – крикнули ему из окна. – Хэлло, господин Ливер!

Рыхлая дама в заспанном халате недовольно взирала со второго этажа.

– Хэлло! В чём дело?

– За две недели не плочено, мадам Дантон, – поклонился ливерщик. – С вас двадцать центов.

– Хам! – возмущённо ответила она, бросила в окно монетку, которую господин Ливер ловко поймал шляпой, а мадам долго ещё повторяла в глубинах полуспящего дома: – Подумайте, девочки, двадцать центов! За тухлую печёнку!

А кошечка с розовым носиком, которую, кстати, звали Молли, всхлипывала в сторонке и наконец получила свой кусок.

Обливаясь слезами, схватила она печёнку, побежала к забору, и вдруг из какой-то дыры вырвался пират Рваное Ухо. Он вцепился ей в горло, и она выронила ржавый кусок, отбиваясь от бандита.

Тут из проулочка явилась серая и грязная ободранная кошка-грущобница. Она ловко подхватила чужую печёнку, скользнула под калитку, перескочила через задний забор и остановилась. Быстро и жадно проглотила она неожиданную удачу и неторопливо, окольными путями отправилась к свалке, где на дне старого ящика из-под сухарей её поджидали котят.

Послышалось жалобное мяуканье. Серая кошка рванулась к ящику и тут увидела чёрного пирата, который терзал её котят. Ослепительный гнев вспыхнул в её глазах, страшной сделалась серая кошка, и она бросилась на пирата. Кот Рваное Ухо, застигнутый на месте преступления, в ужасе рванул прочь.

Чёрный кот-пират Рваное Ухо, который поначалу показался нам симпатичным, был всё-таки порядочный негодяй, и это явление ещё встречается в среде бродячих котом.

Глава 3. Тайна имени

Уцелел один серый котёнок с чёрными полосками на спинке, с белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста. Целыми днями сидел он в ящике из-под сухарей, а серая мамаша шарила по мусорным кучам, разыскивая селёдочные головки и картофельную шелуху. Всё это она тащила в ящик из-под сухарей, который, надо сказать, был замаскирован очень хорошо. С одной стороны он был завален щебнем, с другой – зарос глухой крапивой, человеку пробраться сюда было трудно.

Иногда серая кошка бегала на пристань. Сюда приходили рыбацьи шаланды, здесь удавалось порой схватить рыбёшку, которая вывалилась из ящика.

Как-то раз рыбаки, разгрузившие шаланду, заметили голодную трущобницу.
– Смотри-ка, Сэмми, – сказал один, – она, пожалуй, зарабатывает даже меньше нашего.

Старый грузчик Сэмми выбрал из ящика приличную рыбку.

– Кис-кис-кис! – сказал он. – Фрида, Фрида, иди сюда, Фрида!

Кошка оstonбенела. Имени ей никто никогда не давал, у неё просто не было никакого имени. Не было, и всё-таки было. Оно взялось откуда-то с неба, и старый грузчик угадал его внезапно и неожиданно. Чёрт знает, откуда он его выкопал, из каких вытащил закоулков памяти?!

– Фрида! – позвал он и бросил ей весьма приличную рыбку.

Кошка-мамаша была потрясена. Её впервые в жизни назвали по имени да ещё подбросили цельную рыбку. Это был, наверно, самый счастливый день в её жизни. Она схватила рыбку и побежала к ящику из-под сухарей.

Тут и объявился полубульдог, которого к вечеру хозяин спускал с цепи. С рёвом кинулся он на Фриду, нашедшую своё имя и рыбку, вырвал рыбку и проглотил, и кошка, у которой осталось теперь только имя, побежала обратно на пристань. Полубульдог гнал её до самой воды, и она вскочила на судно, то самое, с которого разгружали рыбу. Послышался стеклянный звук – это матросы ударили в рынду, медный корабельный колокол.

– Отваливай! – слышалась команда, и рыбацкая галоша отвалила от берега, и кошка Фрида отплыла в далёкие края, увозя с собою тайну своего имени.

Глава 4. Рыжая дама

Не дождавшись матери, котёнок вылез из ящика и стал рыскать по мусорным кучам. Он обнюхивал всё, что казалось съедобным: рваные ботинки, колесо от телеги. Но всё это было совершенно несъедобным, и в особенности почему-то колесо от телеги. Он пожевал подорожник и вдруг почувствовал запах, старый и едкий, который шёл снизу. И он увидел ступеньки, идущие в подвал, и ступил осторожно на эти ступеньки. Он слышал звуки – странные звуки, которые неслись из глубины земли, куда он спускался, и удивился, что из глубины земли могут доноситься такие звуки.

А это пели канарейки, потому что здесь, в подвале, была лавка продавца птиц японца Мали. И над входом в лавку висела вывеска:

И котёнок увидел множество клеток, а в них удавов и кроликов, обезьянок и канареек, нутрий и морских поросят. Они пели и пахли, фыркали и рычали изо всех углов.

А в одном углу сидел на ящике негр. Он заметил котёнка и с интересом следил, что будет дальше.

Котёнок миновал несколько клеток с кроликами, которые не обратили на него внимания, и подошёл к широкой решётке, за которой сидела лисица. Рыжая дама с пушистым хвостом припала к полу в самом дальнем углу клетки. Глаза у неё загорелись.

Котёнок принюхался к решётке, просунул голову в клетку и сам пролез следом и двинулся к миске с едой. И в тот же миг лисица кинулась на него, встряхнула, и тут бы кончилась кошачья судьба, если б в дело не вмешался негр. Выпучив губы, он вдруг пустил в морду лисицы такой смачный и точный плевок, что та выронила котёнка и забилась в угол, мигая от страха.

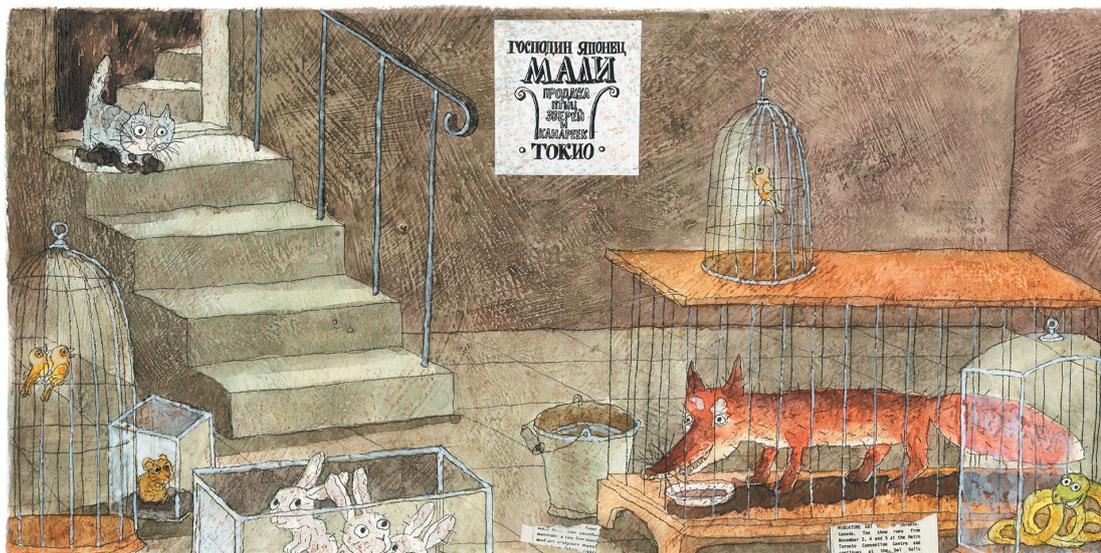
Глава 5. Японские обычаи

Негр Джим любил жевать табак под названием «Читанога-Чуча», который и помогал ему в делах наплевательских. Да, Джим по характеру был такой человек. Он плевал на всех и на всё и в прямом и в переносном смысле. А так-то он был добряк. Он налил малышу молока в блюдце, и скоро котёнок уже мурлыкал на коленях у негра.

Вокруг них чирикали канарейки, шуршали и хрустели в клетках кролики, тихо скулила оплёванная лиса, а они сидели и мурлыкали. Котёнок мурлыкал своим кошачьим нутром, а негр – большим и грубым носом.

Тут звякнул колокольчик, и в лавку вошли сразу два господина. Один – в цилиндрической шляпе, другой – в клетчатом картузе. В цилиндрической шляпе был покупатель, а в картузе-то – хозяин лавки.

Господин японец Мали вовсе не был никаким японцем. Он просто-напросто нарочно так прищурился, чтоб все думали, что он с острова Хоккайдо. Господин Мали ещё в детстве слышал, что японцам больше платят, с тех пор он и начал прищуриваться.

– Послушайте, господин Тоорстейн! – воскликнул японец, сильно прищурившись. – Послушайте, в моей лавке имеется превосходная лиса! Отменный экземпляр! Для вас со скидкой!

– Лиса? – переспрашивал господин Торстейн, покачивая цилиндрической шляпой. – А на кой же пёс мне лиса?

Тут японец сделал господину доверительные знаки и сказал почти шёпотом:

– Лисы, дорогой сэр, лисы в клетках украшают нашу жизнь.

– Вы думаете? – усомнился господин Тоорстейн. – Первый раз слышу.

– Во всех высоких домах имеются лисы, – шептал японец. – И в прямом и в переносном смысле. Вы меня понимаете?

– Я-то вас понимаю, – сказал господин в цилиндре. – Понимаю в переносном смысле, а в прямом мне нужен кенар.

– И кенара возьмёте, и кенара! Вот вы представьте себе. Наверху, в клетке, поёт кенар, а внизу, в другой, – лиса. И вот лиса смотрит на кенара и облизывается, а он поёт! Смех, и всё! Самое смешное, что они оба в клетках! Понимаете? У нас, у японцев, это называется икебана!

– Да нет уж, – защищался господин Тоорстейн. – Японские обычаи я чту и уважаю, но с лисой пока не будем торопиться, давайте кенара.

– О! – сказал японец. – Есть очень хороший поющий товар, но, поверьте мне, очень дорогой, привезён прямо с Канарских островов. Ему только скажешь: «тюр-люр-люр» – тут он и отвечает. – И японец Мали совсем прищурил глазки и сказал канареечным голосом: – Тюр-люр-люр-люр-люр-люр.

И кенар немедленно дёрнулся, встал в позу и запел. Он действительно пел очень хорошо, заливался, и было видно, как ходит в его горле канареечная горошинка.

Господин Тоорстейн долго слушал кенара, потом они торговались, выбирали для кенара изумительной красоты клетку с цейлонскими колокольчиками, пробовали на вкус канареечное семя, причём японец кричал: «Отличное семя! Я могу хоть два кило сразу съесть!» – и жевал, жевал это семя, и глотал его с наслаждением нарочно, чтоб завлечь господина Тоорстейна в

болото больших платежей, и завлѣк, и, когда господин расплатился и ушѣл с кенаром, японец снял кепку, вытер пот, сел на табурет и сказал:

– Фу, чѣрт, устал как собака. Не знаю прямо, Джим, что делать с этой лисой? Никто не хочет покупать. А надо бы продать её поскорее: боюсь, сдохнет.

– Не бойся, маса, – ответил негр, – это крепкая лиса. Она хочет есть, значит, не сдохнет. Только что чуть было котѣнка не сожрала.

– Какого котѣнка? – спросил японец и только сейчас заметил на коленях у негра мурлыкающее дитя трущоб. – Откуда он взялся?

– Сам пришѣл.

– Ну, если сам пришѣл, пускай у нас и живѣт. Доброму гостю у нас почѣт. – И японец погладил трущобного котѣнка.

– Садись, маса, рядом, – сказал негр. – Давай будем сидеть и гладить котѣнка.

– Давай.

И так они сидели и гладили котѣнка, и японец говорил:

– Если дело хорошо пойдѣт, мы скоро разбогатеем. Я-то, Джим, мечтаю слонами торговать.

– Сосед наш, господин У-туулин, купил быка, – рассказывал негр. – Здоровый бык и очень бодучий. Роги – во! – И негр широко растопырил руки, показывая быка.

Глава 6. Холодная атмосфера

Тут снова звякнул колокольчик, и в лавку спустилась некоторая дама, высокая и мосластая, востроносая и грязноватая. Это и была подруга господина японца с тихим ликующим именем Лиззи.

- Продад лису? – сразу спросила она.
- Пока не удалось, голубушка Лиззи, – ответил японец, жмурясь. – Десять долларов давали, – врал он. – Но я стою на своём. Двадцать – и никаких скидок!
- Десять давали – и ты не продал? – изумилась Лиззи. – Ну и дурак, а ещё японец! А это кого вы гладите?
- Мы гладим котёнка, – ответил японец, и тут они с Джимом стали гладить особенно вдумчиво.

– Зачем нам трущобный котёнок? – спросила Лиззи. – Какая в нём выгода? Пускай Джим бросит его на двор скобяного склада. Хватит и того, что лиса воняет на весь дом, не хватало ещё блох трущобных!

– Я не понимаю, Лиззи, – говорил японец в тот же вечер, укладываясь спать. – Я не понимаю, как у тебя любовь ко мне сочетается с такой нелюбовью к животным.

– Сочетается, и всё, – мрачно отвечала Лиззи, взбивая подушки. – Наверное, ты единственное животное, которое принимает моё сердце.

– Но ты глубоко не права, что выгнала этого котёнка, – объяснил японец, разворачивая газету и натягивая на нос очки. – Вот смотри, что пишут в газете «Старый натуралист»: «Кошачий мех нынче снова в цене, и многие предприимчивые люди выращивают кошек на мех. Чтобы выращивать кошек на мех, необходимо соблюдать два условия: жирная пища и холодная атмосфера». Надо было нам оставить этого котёнка и вырастить его на мех.

– Жирной пищи нам самим не хватает, – ворчала Лиззи, кутаясь в одеяло, – а холодную атмосферу я могу тебе устроить прямо сейчас. – И тут она принялась сталкивать японца с кровати. – Иди, иди, – толкалась она. – Иди на холодную атмосферу.

Глава 7. Брэдбери

Ничего противнее, чем бросить котёнка во двор скобяного склада, дурацкая Лиззи придумать не могла.

Но что было делать Джиму? Оставить котёнка у себя он не мог, потому что у него просто не было этого «у себя». Он жил в подвале и служил, как мог, господину Мали, а спал неподалёку от лисы, прямо на полу, на матрасе, набитом соломой.

Котёнок Джиму явно понравился, и он как следует накормил малыша и даже дал бы ему ещё продуктов про запас, да не было у котёнка сумок и рюкзаков, чтоб он смог унести запасы с собою.

Сунув котёнка за пазуху, Джим отнёс его как можно дальше от скобяного склада и отпустил на свободу. Сокрушаясь, что у котят нет никаких сумок для продуктов, Джим отправился в лавку, а котёнок развернулся, прошёлся, прогулялся и попал всё-таки как раз во двор скобяного склада.

Хозяин скобяного склада, по имени У-туулин, кроме огромного количества одинаковых букв в своём имени, имел немало ящичков со скобами, замками, крюками и гвоздодёрами. Ящички эти лежали во дворе, их-то и охранял неприятный полубульдог Поль. Да, его звали Поль, и совершенно непонятно, какая извилина шевельнулась в мозгу почтенного У-туулина, когда он давал эдакой образине столь достойное имя. Впрочем, У-туулин имел ещё и рыжего злобного кота по имени Христофор.

А совсем недавно господин У-туулин купил быка. Зачем он купил быка – мало кому известно, но сам У-туулин рассуждал, что бык – это целый курган ростбифов и холм котлет. И ещё он рассчитывал иметь от быка могучий приплод.

Быка господин У-туулин назвал Брэдбери, и тут, мы считаем, шевельнулась самая плодотворная извилина почтенного скобаря. На этот раз он попал в точку. Имя подходило быку.

Вот в какую компанию попал котёнок, когда прополз под забором во двор скобяного склада. А во дворе росли одуванчики, и котёнку это понравилось. Он стал разгуливать среди одуванчиков, нюхать их и всячески наслаждаться жизнью. Он здорово наелся в лавке японца, животик у него вздулся, и котёнок с удовольствием тасил свой животик по одуванчикам.

Тут и объявился рыжий Христофор, сокращённо Крис.

– Это кто тут давит мои одуванчики?! – закричал он и навалился на объевшегося котёнка с оплеухами.

Крис шипел и фыркал, и перепуганный котёнок кинулся в сторону. Полубульдог взревел, загремел цепью, разинул кривозубую пасть, и котёнок кинулся под ноги быку. Тут и должны были его немедленно затоптать, и бык Брэдбери уже поднял страшное копыто, но опускать его пока не стал.

«Я вижу, что его все гонят и клянут, – рассуждал бык. – Зачем мне ввязываться в это зверское дело?»

И бык спокойно опустил копыто на траву, и котёнок улёгся в бычьей тени.

А когда рыжий Крис с другом своим полубульдогом хотели сунуться туда же, в бычью тень, Брэдбери взревел, наклонил страшную курчаво-гладкую, каменистую башку и направил рога на Криса с другом.

Это был первый случай в истории мирового натурализма, когда крупный рогатый скот защитил представителя семейства кошачьих.

Глава 8. Воробьи и тигры

А котёнок плыл по течению ветра.

Он подставлял под ветер нос, выбирал какое-то его течение и плыл по этому течению, которое приводило его, как правило, к очередной помойке.

Целыми днями шарил он по закоулкам, наслаждаясь отбросами, а воду пил из бочки, что стояла под водосточной трубой. Он пил из бочки, помаленьку подрастая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.